

Кошмило Олег Константинович

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТРАНСЦЕНДЕНТНОЙ ИНИЦИАТИВЫ БАЛАНСИРОВКИ СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ УКЛАДЕ ХРИСТИАНСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В тексте на основе онтологического подхода Мартина Хайдеггера актуализируется значение трансцендентной инициативы мира для христианской культуры Средневековья вообще и для свойственной ей практики религиозно-общинного хозяйствования в частности. Основополагающий для креативного мироустройства принцип трансцендентности задает особую перспективу образования не только ключевых религиозных традиций. Этот принцип оказывается основным для формирования экономических отношений. В статье делается предположение, что в отличие от имманентной замкнутости фундаментального баланса спроса и предложения новоевропейской экономики на автономном субъекте христианская экономика полагает основание этого баланса в трансцендентном Боге. Такой взгляд будет интересен специалистам в области философии экономики и философии христианской культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/3-2/23.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 97-101. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

26. «Совершенно секретно! Только для командования!»: стратегия фашистской Германии в войне против СССР: документы и материалы. М.: Наука, 1967. 752 с.
27. Фуллер Дж. Вторая мировая война. М., 2000.
28. Шефов Н. А. Вторая мировая: 1939-1945: история Великой войны. М.: Вече, 2010. 408 с.
29. Шпеер А. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. 696 с.
30. Шунков В. Н. Вермахт. Минск: Харвест, 2007. 448 с.
31. Bundesarchiv. NS 11/28.
32. Eichholtz D. Geschichte der deutsche Kriegswirtschaft: 1939-1945. Berlin, 1985.
33. Guth R. Die Marine des Deutschen Reichs: 1919-1939. Frankf. a/M.: Bernard a.o., 1972. 338 S.
34. Lüdendorf E. Der totale Krieg. München, 1935.
35. Richtlinien für Führung und Einsatz der Panzerdivision vom 1. Juli 1938. Berlin, 1938.
36. Seeber E. Zwangsarbeiter in der faschistischen Kriegswirtschaft. Die Deportation und Ausbeutung polnischer Bürger unter besonderer Berücksichtigung der Lage der Arbeiter aus dem sogenannten General-Government: 1939-1945. Berlin, 1964. 238 S.
37. Seidler F. Die Fahnenflucht in der deutschen Wehrmacht während des Zweiten Weltkrieges // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1977. H. 1.
38. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal: in 42 vol. Nuremberg, 1947-1949. Vol. XXXVIII.
39. Völker K. Dokumente und Dokumentarfotos zur Geschichte der deutschen Luftwaffe. Stuttgart, 1968.

NAZI GERMANY MILITARY DOCTRINE EVOLUTION AND FAILURE ON THE EVE AND DURING THE SECOND WORLD WAR

Gennadii Ivanovich Kol'ga, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Classical and Social-Economic Disciplines
Yamal Oil-and-Gas Institute (Branch) of Tyumen' State Oil-and-Gas University
bone59@mail.ru

In the article military doctrine creation process in Nazi Germany on the eve of war and its evolution during the war are analyzed on the basis of numerous documents and materials. The main conclusion is as follows: the Second World War corresponded to total war image while the military recipes suggested for it did not allow attaining its positive outcome in reality. This contradiction can be considered as the important factor of Wehrmacht defeat.

Key words and phrases: total war conception; Blitzkrieg; strategic air warfare theory; Giulio Douhet; John Fuller; Erich Friedrich Wilhelm Ludendorff.

УДК 1(091)

В тексте на основе онтологического подхода Мартина Хайдеггера актуализируется значение трансцендентной инициативы мира для христианской культуры Средневековья вообще и для свойственной ей практики религиозно-общинного хозяйствования в частности. основополагающий для креативного мироустройства принцип трансцендентности задает особую перспективу образования не только ключевых религиозных традиций. Этот принцип оказывается основным для формирования экономических отношений. В статье делается предположение, что в отличие от имманентной замкнутости фундаментального баланса спроса и предложения новоевропейской экономики на автономном субъекте христианская экономика полагает основание этого баланса в трансцендентном Боге. Такой взгляд будет интересен специалистам в области философии экономики и философии христианской культуры.

Ключевые слова и фразы: Бог; трансцендентность; творение; труд; искупление; благодать; потребление; спрос; предложение; баланс.

Олег Константинович Кошмило, к. филос. н.
Кафедра философии и политологии
Санкт-Петербургский торгово-экономический институт
koshmilo-ok@yandex.ru

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТРАНСЦЕНДЕНТНОЙ ИНИЦИАТИВЫ БАЛАНСИРОВКИ СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ УКЛАДЕ ХРИСТИАНСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ[©]

Христианская инициатива Средневековья, создав в череде эпох истории человечества уникальную цивилизацию, сумела оформить и особый порядок экономических отношений, способ религиозно-коллективного хозяйствования и патриархального уклада, непротиворечиво заданных божественным принципом как «сверхчувственной основы», «цели всего действительного» [8, с. 174-177]. В отличие от имманентного принципа, на котором основано античное представление о мироустройстве, центр которого пребывает исключительно внутри самого космоса (космоцентризм), христианская теистическая парадигма исходит из трансцендентного, потустороннего характера божественного основания мира (геоцентризм) [1, с. 261; 5, с. 147].

В условиях теоцентричного мировоззрения, учреждающего тотальное верховенство Творца над сотворенным им миром, Бог с полным правом выступает обладателем своего произведения и собственником всего мирового хозяйства с особым правовым порядком, и «непосредственное пользование неограниченным богатством, каким является Вселенная, принадлежит только Богу...» [2, с. 186]. Греховное нарушение этого порядка вменяет человеку как рабу Божьему статус должника, и он «безоговорочно обречен на труд, на освящение богатств - времени, продуктов питания и всевозможных ресурсов, на развитие средств производства» [Там же]. Распоряжаясь всем происходящим в мировом хозяйстве в полной мере, Бог оказывается единственным регулятором соотношения спроса и предложений. Идеальный характер божественного спроса определяется доминированием креативного имени, слова над тварной вещью. Порядок религиозной идеализации значения вещи представляет способ её претворения в символ божественной реальности - *Божий дар*, с которым в своём потреблении имеет дело средневековый христианин. В итоге в экономике теоцентричного Средневековья человеческое предложение тотально обусловлено божественным спросом: **божественный Спрос → человеческое Предложение.**

Трансцендентность Творца и символичность Творения

Креативное значение трансцендентного Имени Бога впервые формулируется в иудаизме [1, с. 261] и сводится к необратимому характеру уравнивания Божьего Имени и иницируемых им вещей - Имя Бога тождественно совокупности всех вещей мира, но совокупность всех вещей не тождественна Имени [7]. Трансцендентный принцип необратимости делает Божье Имя абсолютной причиной мира. Его начальство, главенство - условие всех монотеистических цивилизаций. В религиях авраамической традиции (иудаизм, христианство, ислам) мир творится Богом (Яхве, Аллахом) из своего Имени, которое имеет творческую, креативную способность иницировать вещи [8, с. 177]. В первых главах Библии Бог создает мир, произнося слова: «Да будет свет. И стал свет» (Быт. 1:3). Новозаветное Евангелие от Иоанна также начинается со слов: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1). Эти два пролога указывают на преимущественный характер Слова, Имени Божьего, что, будучи абсолютным означающим, превосходит по своей мощи означаемую им реальность, пребывая за его пределами. Единственным способом отношения к трансцендентному Имени является *вера*, которая, по словам апостола Павла, является «осуществлением ожидаемого и уверенностью в невидимом» (Евр. 11:1). Определяющим свойством трансцендентной инстанции Имени является и то, что ею полагается точка отсчета линейного развертывания исторического времени, стрела которого направляется из греховного прошлого, пораженного первородным грехом, в светлое будущее Царствия Небесного [2].

На трансцендентное Имя Бога, как на конус, сходятся вертикальные связи Сущности и символизирующих её вещей, которыми, по словам молитвы «Отче наш», светится Божье имя. По причине сотворенности наличные вещи утрачивают прежнюю самостоятельность. Уходя в подчинение, зависимость от порождающих божественных глаголов, вещь обращается в символ [6, с. 21], который производит «номиналистическое разделение слова и вещи» [10, S. 30-31]. Беспрецедентное сгущение, конденсация, сжатие множества священных имен богов в одно-единственное Имя Бога полагает кардинальное отличие от античного мировоззрения с его горизонтально равноправия слов и вещей [1, с. 256]. То есть средневековая парадигма трансформирует присущую античности имманентную горизонталь равенства слов и вещей в трансцендентную вертикаль связи сущности и явления. На верхнем, *небесном* полюсе этой вертикали фокусируется трансцендентное значение, *ценность*, а на нижнем, земном - вещественный символ [Там же, с. 259]. Как единичная вещь теперь служит лишь явлением, отражением, отблеском вечной идеальной сущности, так весь мир как совокупность вещей обращается в систему трансцендентно значимых символов. Вертикальное восхождение, трансцендирование Имени как духовного источника абсолютного Блага над горизонтом бренных и несовершенных, а потому «злых» вещей полностью отменяет архаическую этику, упраздняя её демократическое равноправие *добраго* духа и *злой* вещи, учреждает иерархическое доминирование одного над другим: «За дуализмом трансцендентности наступает... полагание мирового раздела между двумя началами... одно из них начала добра и одновременно духа, другое - начала зла и материи» [2, с. 85].

В Средневековье полагается такой порядок назначения ценности и оценки вещи, по которому исключительным источником ценности вещественного символа выступает Бог. Это напрямую предопределено тем, что Бог - «высшее сущее как высшее благо» - сам является «наивысшей ценностью» [8, с. 183], поскольку, как пишет Жорж Батай, изначально в Боге сказывается «стремление определить ценность, превосходящую все другие» [2, с. 63]. Эта трансцендентная ценность наполняет каждую вещь в её присутствии священным значением [1, с. 386-388]. Фокусируемый на «ослепительной точке» Бога мир выстраивается как вертикально-интегрированная иерархия символов, священная ценность которых измеряется степенью приближенности к своему божественному источнику [9, с. 261]. И всякая вещь, будучи опосредована трансцендентным значением, преобразуется в священный символ, в собственно *Божий дар*, с которым обращается в своём непосредственном присном потреблении всякий христианин.

Патриархальность и христианско-общинный коллективизм

В связи с особым статусом Имени и содержащего его Бога-Отца находится и форма организации средневекового социума. От Отца небесного через религиозно-социальных и политических отцов власть делегируется отцам семейства. Феномен такого делегирования в том, что отец - податель нетварного имени как вместилища бессмертной души противоположен матери как источнику тела и лица, т.е. лишь видимости. И вся священная символика человеческих имен в конечном итоге отсылает к бессмертной Первооснове всех имен,

Имени Бога. В противоположность языческому культу Природы-Матери, определившего матриархальность первичного социального уклада языческого мира, христианская культура Средневековья, культивируя отцовский статус Создателя и Вседержителя как Бога-Отца, по отношению к которому природа имеет характер пассивной сотворенности «из ничего» [8, с. 174], полагает социальный порядок патриархата. Христианская коммуналность во многом родственна античной языческой семейственности. Однако средневековый коллективизм уже оторван от семейно-родовой субстанции. Принцип социальной солидарности основан на идеальной укорененности в Боге, на *братстве во Христе*. И патриархальная семья, и монашеское общежитие пронизаны единым принципом власти патриарха. Особенно это касается монастырской жизни, в которой «под неограниченной властью главного аббата жила крепкая и единая организация, обеспечивающая личное спасение определенными формами труда и молитвы, протекавших под строгим и бдительным надзором...» [3, с. 41].

Предпосланная ситуацией принесения Богом-Отцом в жертву Бога-Сына средневековая социальность оформляется в вертикальную пару Отец - Сын. Вертикальная трансформация горизонтальных связей в целом демократичного архаичного общества выстраивает ось сословной стратификации средневековой социальности. Христианская интересубъективность исполняет форму свершившегося еще в иудаизме переключения имманентной горизонтальности природной демократичности в трансцендентную иерархичность вертикальной оппозиции священного и профанного. Такое переключение адекватно тому, что «мотив священного брака, обычно стоящий в центре мифологии природы, имеющий горизонтальную структуру (бог - богини), в иудаистической мифологии перемещен в центр мифологии священной истории и получает вертикальную структуру (Бог - люди)» [1, с. 259]. Иерархия политической организации средневекового общества сводится к пропорции - «как на Небе один Бог, так на земле - один царь» и обуславливает принципиальную суверенность власти *монарха* и сословность социальной стратификации [2, с. 349]. Средневековое общество, по Жоржу Батаю, иллюстрирует образ тела, состоящего из разнородных частей, из «иерархии функций» так, что священство, светская аристократия и крестьянство объединяются в единое существо, где телесно-трудовая часть подчинена разумно-политической и духовно-религиозной частям. В этом социальном образовании трудовое предложение работников-христиан было призвано удовлетворять спросу со стороны дворян и церковников в обмен на политическую защиту государства и духовное покровительство церкви. Поэтому Средневековью не свойственен принцип автономной экономики как «отдельной части природы», свободной от служения церкви и дворянству [Там же, с. 179-180].

Теономика

Как уже было сказано, в эпоху *теоцентричного* мировоззрения верховное начало мира исключается из своего природного обстояния и возносится к трансцендентному Богу. По праву творца и устроителя мира Бог является его сверхсобственником, выступает единственным акционером всего мирового природного предприятия. Тем самым вектор всего мирового потребления и производства полностью замыкается на божественной инстанции, что полностью вбирает баланс спроса и предложения. Переиначенный на экономический лад пролог Евангелия от Иоанна звучал бы так: «В начале был баланс спроса и предложения, и баланс спроса и предложения был у Бога, и баланс спроса и предложения был Богом». Фундаментальным свойством человека, ставящим его в подчиненное, зависимое положение (человек - *раб Божий*) по отношению к своему Господу, является изначальная греховность человека, распространившаяся через поколения от первородного греха, совершенного в начале истории Адамом и Евой. Винодность человека избывается в молитвенном и трудовом служении. Экономически реализующая смысл виновности трудовая деятельность - это состояние наказания и *искупления* греха в терпеливом стяжании цены расплаты за спасение. В отличие от произвольной трудовой деятельности свободного язычника, для христианина труд - это постгреховное состояние человека в качестве трудной и тяжелой работы, сопряженной со страданием и болью. Ситуацией, предварившей христианскую экономику трудового искупления греха, является сцена догреховного пребывания Адама и Евы в райском саду. Ключевым свойством экономики райского сада является уравновешенность потребностей первых людей и висящих на его деревьях плодов, то есть *абсолютный* баланс человеческого спроса и естественного природного предложения, правда, за одним исключением (Быт. 2:16). Под божественным запретом на потребление в силу своей избыточности оказывается один плод - яблоко с растущего посреди райского сада *древа познания добра и зла* (Быт. 2:17), причём как раз с заключенным в нём знанием о самом этом балансе - условием экономического счастья в качестве гармоничности спроса и предложения является принципиальное *незнание* об этой гармонии.

Нарушение запрета на знание о балансе спроса и предложения вводит грехопадшего человека в тяготы труда в *поте лица своего* в целях уже сознательного исполнения этого баланса (Быт. 2:5-19). Поскольку трудящийся христианин работает, прежде всего, *ради Бога и во славу Божью*, Бог выступает в качестве единственного заказчика всего человеческого труда. Как таковой, Бог - это инстанция спроса и исключительный потребитель всего произведенного природой и человеком. Но как благой, всемилостивый Бог вновь всё возвращает страждущим людям во благо их потребления. И всё, что возвращается, так или иначе исходит по вертикали *благодати* и с благодарной молитвой принимается христианским потреблением (см. Рис. 1).

Рис. 1. Замкнутость труда и потребления на божественной инстанции

Наиболее отчетливо теонимический характер отношений производства и потребления представлен в монастырях, где послушный Богу монах не получает за бремя своего благодарного труда деньги, но и в монастырской трапезной не платит за еду (экономика христианских монастырей - эпифеномен безденежной экономики, обоснованной позже коммунизмом Маркса, но на совершенно иных принципах). Благодарно работая на Бога, монах с благодарной молитвой получает от Бога плоды своего труда, преобразованные в священные дары. Отнесенность баланса спроса и предложения к Богу - «Бог взял, Бог дал» - вписывает в порядок теонимического обмена заранее, предвечно заданный порядок. Вера в эту божественную справедливость распределения богатств - условие отсутствия в Средневековье экономических кризисов и социального недовольства, поскольку «церковь удерживала экономику в состоянии относительной стабильности» [Там же, с. 180, 183].

Преимственность языческого и христианского ритуального оборота вещи

В целом сохраняется преимственность между сакральным оборотом природной вещи как предмета потребления в рамках языческой экономической схемы и ритуальным претворением вещи в священный символ христианской экономической парадигмы. Как язычник в целях получения необходимой, но сакрально неприкосновенной вещи возносит её богам, чтобы те выдали свою божественную санкцию на потребление и возвратили её уже в качестве жертвенного символа с прибавочным смыслом священного подарка, так же и христианин нуждается в претворении земной и уже греховной вещи в символ, наполненный сакральным значением (см. Рис. 2).

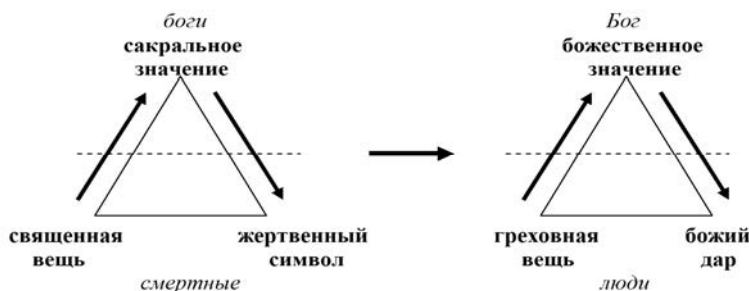

Рис. 2. Преимственность языческого и христианского ритуального оборота вещи

То есть существенным отличием обеих схем является различный онтологический статус изначальной неприкосновенности вещи: в одном случае по мотивам положительной *священности* вещи, в другом - по мотивам её отрицательной *греховности*, определяемой её производностью и вторичностью по отношению к трансцендентности креативного имени. Религиозно-ритуальный жест делает возможным человеческое присвоение вещи с одновременным прибавлением к ней священного смысла божественного подарка. И дело религии - «исторгать из реального порядка, из нищеты *вещей* и возвращать в порядок *божественный*; животное или растение, которыми человек пользуется (как будто они обладают ценностью для него, а не для себя), возвращаются к истине сокровенного мира; они получают от него священное послание, которое возвращает им внутреннюю свободу» [Там же, с. 141].

Сутью теонимического обмена и одновременно сердцевиной церковной сферы отношений между Богом и человеком является таинство причастия. Этот центральный для христианского богослужения и венчающий всю литургию обряд формально соответствует языческому ритуалу жертвоприношения, в котором результатом является баланс вещественной жертвы, воплощающей сакральность божества. Но в отличие от языческой символики христианское причастие наполнено кардинально иным содержанием, а именно содержанием божественного Слова, воплощенного и принесенного Иисусом Христом, чьи Плоть и Кровь тем не менее представлены в Хлебе и Вине евхаристии. Метаморфоза приоритетной стороны обмена очевидна: если в языческом действе акцентированной крайностью становится вещественность жертвы - мясной или винной, то в христианском обряде ударение делается на идеальную словесность. Малость выпиваемого, съедаемого вина и хлеба христианином явно указывает на чисто символический характер такой трапезы, что никак не может удовлетворить его физиологическую потребность, но способна насытить *духовно*. Таинство причастия, собственно, и заключено в чудесной спасительности молитвенного логоса, который ровно на

гераклитовском основании обмена единого Логоса на множество текущих вещей обменивает многие вещи греха на единое Слово покаяния и спасения. Характерным для христианской экономики является особый смысл отношения к греху, которое понимается как ис-купление и осуществляется как экономическая акция *покупки* спасения в обмен на покаяние в греховных вещах по способу жертвенного отказа от них.

Практическим выражением христианской, замкнутой на Боге экономики выступает натуральное хозяйство, в котором круг потребления совпадает с кругом производства, вектор спроса натурального хозяйства замкнут на векторе предложения. Нулевой баланс этих векторов исключает нацеленность на прибыль. В цикле нулевого баланса отсутствует сама пустота маржинальной возможности. Средневековому труженику в голову не приходит искать прибыли посредством повышения эффективности труда за счет технологической интенсификации орудий труда, расширять производство, оптимизировать расходы и т.д.

Другим проявлением средневековой системы хозяйствования становится особый статус института *кредитования*, вызревающего из ключевой для христианского мировоззрения инстанции веры (*credo*). Вера вообще и частная вера в честные намерения должника составляют добрую волю кредитора, предлагая ему таким образом исполнять себя в качестве благочестивого христианина. При этом условием кредитования является важнейший принцип беспроцентности - «деньги, данные займы, нельзя требовать назад с процентами, каноническое право решительно запрещает ростовщичество» [Там же, с. 180].

Словом, христианская экономика Средневековья иницируется переносом баланса спроса и предложения из имманентного порядка их космического равновесия в пользу трансцендентного Бога. В то же время христианская теоника культивированием преимущества креативного имени перед тварной вещью намечает перспективу восхождения идеальной стоимости над реальным товаром. Безраздельное господство божественной идеальности, унижающей тварную, бессловесную, греховную реальность, так или иначе готовит почву для мира, в котором земной горизонт человеческого труда однажды впадет в немилостивую зависимость от умозрительной, спекулятивной вертикали капитала и его смертоносной пляски.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. София-Логос: словарь. М.: Дух и Литера, 2006. 912 с.
2. Батай Ж. «Проклятая часть»: сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. 742 с.
3. Карсавин Л. П. Монашество в Средние века. М.: София, 1992. 181 с.
4. Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре. История: миф, время, загадка. М.: Наука, 1994. 298 с.
5. Неретина С., Огурцов А. Пути к универсалиям. М.: РХГА, 2006. 1000 с.
6. Попова М. К. Об истоках средневековой аллегории // Средневековая городская культура. Тверь: ТПИ, 1991. 392 с.
7. Флоренский П. А. Имяславие как философская предпосылка // Флоренский П. А. У водоразделов мысли. М.: Мысль, 1990. Т. 2. 426 с.
8. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. 464 с.
9. Хейзинга Й. Осень Средневековья. М.: Логос, 1988. 441 с.
10. Heidegger M. Vier Seminare. Frankfurt am Mein, 1977. 286 S.

ONTOLOGICAL ASPECT OF TRANSCENDENT INITIATIVE OF BALANCING DEMAND AND SUPPLY IN ECONOMIC LIFESTYLE OF CHRISTIAN MIDDLE AGES

Oleg Konstantinovich Koshmilo, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy and Political Science
St. Petersburg Trade and Economic Institute
koshmilo-ok@yandex.ru

In the article transcendent world initiative meaning for the Christian culture of Middle Ages in general and for the religious-communal economic management practice typical of it in particular is actualized on the basis of Martin Heidegger's ontological approach. Transcendence principle which is fundamental for creative world organization sets a special perspective for the formation of not only the key religious traditions. This principle appears to be the main one for economic relations formation. The author of this article suggests that in contrast to the immanent reticence of the fundamental balance of demand and supply of new European economy at an autonomous subject, Christian economy considers the basis of this balance in transcendent God. Such view will be interesting for the specialists in the sphere of economy philosophy and Christian culture philosophy.

Key words and phrases: God; transcendence; creation; labor; expiation; grace; consumption; demand; supply; balance.